

А ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Люда Г.

что другому вы бы не написали, а мне смогли, значит, я должна стать лучше. Сейчас я живу в Новгород-Северском. Работаю на пеньковом мастере. Вы не сердитесь, что я вам пишу, я знаю, что вы очень заняты. Но у меня, кроме вас, никого нет.

Вот такие письма необходимы актеру. Они помогают в работе, они дают ощущение своей нужности.

Совсем особую страницу в почте актрисы составляют письма ее педагога по Щукинскому училищу — Нины Александровны Полевицкой. Они непохожи на другие. Впрочем, это естественно. Непохожи своей открытостью, порой даже резкостью. Нине Александровне, в отличие от других корреспондентов, далеко не всегда нравятся работы Чурсиной. Так, она весьма критически отозвалась о Любови Яровой. Ей не понравилось, в частности, что актриса изменила свою внешность — короткая стрижка и так далее. И она пишет о том, что внешность актера врезается в память зрителя и как бы сливается с ним самим — сменить ее не так-то легко. И как любопытно она рассуждает о том, что однажды для роли изначала походку горцев — мягкую, вкрадчивую. Они ходят по узким, вырубленным в скалах тропкам, в мягкой коже, ощущая ногами все уступы, шероховатости и неровности земли, они как бы одно единое с ней. И вот от этой походки вдруг родилась, пошла вся роль.

— Письма моего педагога, — говорит Людмила Алексеевна, — для меня всегда и праздник, и экзамен. Недавно она написала мне, что в одной из газет встретила мое фото и вдруг ощутила, что я как-то изменилась, что во мне произошел какой-то перелом, возникло какое-то новое качество. Это очень заинтересовало меня. Теперь и я словно бы чувствую в себе какую-то перемену — как будто действительно что-то кончилось во мне, а что-то другое еще только начинается...

Особое место в переписке актрисы со зрителями занимают письма рабочих Ижорского завода, с которыми студия «Ленфильм» находится в длительной творческой дружбе.

Впрочем, об этом лучше рассказать словами одного из корреспондентов — рабочего Н. Григорьева:

«5 февраля по цеху 120 Ижорского завода шел веселый шепот, говорили рабочие друг другу — киноактриса Людмила Чурсина к нам в гости приехала. А когда, передевшись, вечерняя смена, в том числе и я, вышла из цеха, то действительно увидели наших дорогих гостей с «Ленфильма». Поздоровавшись с вами, я попросил разрешения написать и выслать сувенир. Вот и выслала вам маленькую частичку металла, я отлил ее в виде маленького ножа, чтобы ее можно было взять в руки и посмотреть на сталь ижорскую, которую знает вся страна».

— Теперь, — говорит актриса, — мы переписываемся с Н. Григорьевым. Но я часто вспоминаю забавные строки из его первого письма:

«Я спросил у начальника 120 цеха, как отчество Людмилы Чурсиной, а тот спрашивает: а зачем мне отчество? Тогда я поясню, что буду писать ей. А он говорит: «Когда будешь писать, то пиши разумно, чтобы она не обиделась, ведь она теперь шефствует над одной из наших смен». Я пообещал, что напишу вам письмо, в котором все будет разумно».

— Что же мне сказать в заключение? Вот лежат передо мной эти письма. Из самых далеких мест, разделенных порой тысячами километров. И за каждым — человек, судьба. Мне интересно узнавать, что жизнь моих героинь не замыкается в рамках экрана, что она продолжается в судьбах людей. Я думаю о том, что искусство не кончается никогда, пока есть в нем живая связь с людьми.

люди искусства

ПОЧТА АКТРИСЫ

...«Пишу вам и очень волнуюсь. Даже на первой операции, когда впервые ассистировала хирургу, и то была спокойнее и как-то собраннее. Когда смотришь фильмы, много думаешь о жизни, стремишься осознать и свое место в ней. ...Вы открыли мне новый мир. И как я благодарна вам за это...»

Людмила ШИЛКОВА.

ЛЕНИНГРАД.

— Вот это письмо — одно из самых примечательных для меня, — говорит Людмила Чурсина. — В нем я вижу ту связь, ниточку, которая

сти. Ну что тут сказать? По правде говоря, у меня просто не остается времени, чтобы об этом подумать. Да и, кроме того, эту популярность я отношу не к себе, а к своим героиням. С самого начала пути мне повезло — я встретила с такими судьбами, с такими характерами, как героини Шолохова, Сейфуллиной — с женщинами, на долю которых выпало сразу столько: любить, ненавидеть, умирать. Женщины, которые слеплены были своим временем, бурной своей эпохой. Хотя, по правде говоря, ког-

В. ИВАНОВА

тянется от экрана к зрителям. Я вижу, что не напрасно работаю, если люди как-то связывают мое искусство со своей жизнью, а не просто закрывают очередную страницу кинокиви.

Скоро приступаю к работе в фильме — экранизации «Открытой книги» В. Каверина. Недавно я ездила в Москву, встречалась с писателем и очень обрадовалась, что направление моего поиска в чем-то совпадает с его мыслями. Я познакомилась и с женщиной, послужившей прототипом Татьяны Власенковой. Впервые мне предстоит сыграть человека науки (вот, может быть, поэтому, в связи с письмом от будущего хирурга, я и вспомнила об этой работе).

Мы сидим с актрисой Людмилой Чурсиной в ее квартире в Ленинграде, на Кировском проспекте, недалеко от студии «Ленфильм». За окнами шумит вечерний город. На столе разложены пачки писем.

— Вот здесь те, которые пишут мне уже давно, — говорит актриса.

— А таких много?

— Да. Из самых разных мест, самые разные люди. Из Болгарии, с Чукотки, из Сибири. Я стараюсь отвечать им как можно скорее. Много писем с традиционным вопросом: как стать актрисой? Часто авторы, а вернее, юные авторши представляют это себе в виде некоего разового акта — в одно прекрасное утро взял и проснулся актером. Разве могут они поверить, что, даже сыграв столько ролей, сколько сыграла я, не перестаешь сомневаться в себе и все равно так толком и не знаешь, состоялась ли в тебе актриса.

Часто спрашивают, как я отношусь к своей популярно-

да я сейчас смотрю свои фильмы, я думаю о том, что, быть может, роли эти достались мне слишком рано — сейчас бы я сыграла их глубже, сдержаннее, взрослее, что ли.

Действительно, Чурсиной повезло с самого начала — с самой первой роли, с «Донской повести». Она соприкоснулась с драгоценным литературным материалом Шолохова. Затем последовали Сейфуллина, Шипков, Тренев. Чурсина как-то сразу нашла свою героиню — истинно русскую, спокойно величавую, полную мудрой сдержанности и силы. Каждая новая роль помогала ей углубить, обогатить этот образ. Виринея, Анфиса, Любовь Яровая, Олеся — все эти роли становились как бы гранями единого целого.

Поэтому так понятны симпатии зрителей — для них слились воедино актриса и героиня. Пишут не столько даже актрисе, сколько героине — женщине яркой, незаурядной судьбы, силы воли, чувства.

Однажды Чурсина получила письмо, которое ее очень встревожило. Совсем еще молодая, как видно, девочка писала о том, что все в ее жизни сложилось крайне неудачно. Она потеряла отца и мать. Писала о том, что не верит в жизнь, в добро, в хорошее в людях, в душе полное опустошение, нет любви, нет искренних друзей.

Актриса ответила ей. Так они стали переписываться. И вот недавно Чурсина получила от нее новое письмо.

«Здравствуйте, уважаемая Людмила Алексеевна! Спасибо вам большое. Я окончила техникум. Когда смотрю на вашу открытку, то все время мне кажется,

12